

ВЫХОДИТЪ
Еженедѣльно по Субботамъ.
Подписка принимается во
всѣхъ Почтовыхъ Конторахъ
Имперіи, въ С. П. и М. Поч-
товыхъ газетныхъ Экспедиці-
яхъ и въ С. П. Б., у книгопрода-
вцевъ Исаева и Юнгмейстера.

Годовая цѣна:
Въ Тифлисѣ 7 руб. серебромъ,
съ пересылкою и доставкою на домъ 3 р.
Полугодовая:
Съ пересылкою и доставкою на домъ 4 р.

22 НОЯБРЯ.

№ 47.

1847.

ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, въ присутствіи Своемъ въ С. Петербургѣ соизволило отдать слѣдующіе приказы:

По военному вѣдомству.

Октября 17-го дня 1847 года.

Увольняется. Отъ службы за болѣзнію. По *Пьхотъ*. Мингрельскаго полка Штабсъ-Капитанъ *Исарловъ*.

Умершіе исключаются изъ списковъ. По *Арміи*. Бывшій Командиромъ 1-й Бригады 20-й Пѣхотной Дивизіи, Генераль-Маіоръ *Килъзъ Кудашевъ*. По *Арміи*. Смотритель Потійскаго и Редуткальскаго Провіантскихъ магазиновъ, состоявшій по *Арміи* Подпоручикъ *Тарновскій*.

Октября 18-го дня 1847 года.

Назначается. По *Пьхотъ*. Дагестанскаго Пѣхотнаго полка Полковникъ *Хвостиковъ*, Командантомъ въ городъ Сухумъ-Кале, съ состояніемъ по *Арміи*.

Въ присутствіи Своемъ въ Царскомъ Селѣ.

Октября 20-го дня 1847 года.

Исключаются изъ списковъ: Убитые въ дѣлахъ съ *Горцами*. По *Пьхотъ*. Самурскаго Пѣхотнаго полка, Штабсъ-Капитанъ *Щербина* и Прапорщикъ *Тимченко-Рещицкій*. По *Линейнымъ Баталіонамъ*. Грузинскаго Линейнаго баталіона № 11-го Капитанъ *Курочкинъ*.

Октября 21-го дня 1847 года.

Назначается. По *Пьхотъ*. Подольскаго Егерскаго полка Капитанъ *Ржецкій 2-й*, Адъютантомъ въ 1-ю Бригаду Кавказскихъ Линейныхъ баталіоновъ, съ переводомъ въ Кавказскій Линейный баталіонъ № 1-го.

Октября 22-го дня 1847 года.

Опредѣляется въ службу. По *Кавалеріи*. Служившій въ Закавказскомъ Конно-Мусульманскомъ полку Прапорщикъ *Искендеръ-Ханъ-Холскій*, Лейбъ-Гвардіи въ Казачій полкъ, Корнетомъ, съ состояніемъ при Отдѣльномъ Кавказскомъ Корпусѣ.

Октября 23-го дня 1847 года.

Умершій исключается изъ списковъ. По *Иррегулярнымъ войскамъ*. Черноморскаго Казачьяго войска Войсковый старшина *Журавель*.

Октября 24-го дня 1847 года.

Назначается. По *Артиллеріи*. Начальникъ праваго фланга Кавказской Линіи, Генераль-Маіоръ *Ковалевскій*, Командиромъ 2-й Бригады 19-й Пѣхотной Дивизіи, съ оставленіемъ въ прежней должности и съ состояніемъ по *Арміи*.

Переводится. По *Пьхотъ*. Дагестанскаго Пѣхотнаго полка Подполковникъ *Рыльцъ*, въ Апшеронскій Пѣхотный полкъ.

Октября 25-го дня 1847 года.

Назначается. По *Арміи*. Состоящій по *Арміи*, Членъ Совѣта Главнаго Управленія Закавказскимъ краемъ, Генераль-Маіоръ *Жеребцовъ 4-й*, Управляющимъ Закавказскимъ Карантино-Тамбаченнымъ Округомъ, съ оставленіемъ въ прежней должности.

Октября 26-го дня 1847 года.

Переводится. По *Пьхотъ*. Уволенный изъ Подпоручиковъ Черноморскаго Резервнаго Линейнаго баталіона Поручикомъ, *Адашевъ*, въ Пѣхотный Фельдмаршала Князя Варшавскаго Графа Паскевича-Эриванскаго полкъ, прежнимъ Подпоручичьимъ чиномъ. Гренадерскаго Его Королевскаго Высочества Принца Оранскаго полка Поручикъ *Ватацъ*, въ Самурскій Пѣхотный полкъ. По *Внутренней Стражѣ*. Таврическаго Внутренняго Гарнизоннаго баталіона Прапорщикъ *Шамардинъ*, въ Пѣхотный Фельдмаршала Князя Варшавскаго Графа Паскевича-Эриванскаго полкъ.

Октября 28-го дня 1847 года.

Увольняется отъ службы. По *Линейнымъ Баталіонамъ*. Черноморскаго Линейнаго баталіона № 15-го Подпоручикъ *Имплицскій*, за ранами, съ мундиромъ и съ пенсіономъ полного жалованья.

Умершіе исключаются изъ списковъ. По *Пьхотъ*. Пѣхотныхъ полковъ: Самурскаго, Штабсъ-Капитанъ *Даченко*, отъ полученной въ дѣлѣ съ *Горцами* раны. Мингрельскаго Егерскаго полка Прапорщикъ *Фоминъ*.

Октября 30-го дня 1847 года.

Назначается. По *Арміи*. Командующій Запасною Дивизіею 3-го Пѣхотнаго Корпуса, Генераль-Лейтенантъ *Варнаховскій*, Командующимъ Резервною Дивизіею Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса. По *Пьхотъ*. Эриванскаго Карабинернаго полка Подполковникъ *Графъ Дюверъ*, Старшимъ Адъютантомъ въ Штабъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, съ состояніемъ по *Кавалеріи*.

Переводится. По *Иррегулярнымъ Войскамъ*. Владикавказскаго Линейнаго Казачьяго полка Корнетъ *Лизогубъ*, въ Корпусъ Жандармовъ, съ переименованіемъ въ Прапорщикъ. По *Линейнымъ Баталіонамъ*. Грузинскаго Линейнаго баталіона № 17-го Поручикъ *Ивановъ*, въ Военно-рабочую № 38-го роту, вѣдомства Путей Сообщенія, съ назначеніемъ Командиромъ оной.

Увольняется отъ службы. По *Арміи*. Командующій Резервною Дивизіею Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, Генераль-Маіоръ *Добржанскій*, за болѣзнію, съ мундиромъ и съ пенсіономъ полного жалованья.

Октября 31-го дня 1847 года.

Переводится. По *Пьхотъ*. Самурскаго Пѣхотнаго полка Капитанъ *Ржецкій*, въ Старонингерманландскій Пѣхотный полкъ.

Ноября 1-го дня 1847 года.

Исключается изъ списковъ. По *Пьхотъ*. Навагинскаго Пѣхотнаго полка убитый въ дѣлѣ съ *Горцами*, Прапорщикъ *Веретенинъ*.

Высочайшимъ Приказомъ, по Военному Вѣдомству, 12 Октября, произведены: за отличія, оказанныя при взятіи селенія Салты: состоящій при Главнокомандующемъ Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, Дивизионный Докторъ, Докторъ Медицины, Статскій Совѣтникъ *Андріевскій*, и профессоръ Императорской Медико-Хирургической Академіи, Докторъ Медицины и Хирургіи, Статскій Совѣтникъ *Пироговъ*, — оба въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, согласно ходатайству Главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: проживающаго за Кубанью Армянина Бабалчана *Великанова*, за услуги и преданность Россійскому Правительству, произвестъ въ Прапорщикъ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, въ награду за отличное мужество и храбрость, оказанныя въ дѣлахъ противъ *Горцевъ* 7-го и 9-го Августа сего года, при сел. Салты, Всемилостивѣйше соизволило утвердить въ чинѣ Прапорщика, произведеннаго Главнокомандующимъ Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ въ этотъ чинъ, Начальника двухъ сотенъ Кюринской милиціи, *Гамзатъ-Бека Гаруинъ-Бека-Олы*.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО объявляетъ Монаршее благоволеніе (Окт. 15-го) Предѣлительно Ставропольской Казенной Палаты, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику *Булычеву* и Управляющему Палатою Государственныхъ Имуществъ, Коллежскому Совѣтнику *Лазареву*, за преждевременное окончаніе въ Ставропольской губерніи производимаго въ 1847 году шестаго частнаго рекрутскаго набора съ Восточной полосы.

КАВКАЗЪ.

Тифлисѣ. По случаю прихода въ Тифлисѣ изъ подл. с. Салтовъ 1-го баталіона Эриванскаго Карабинернаго полка, общество Тифлисскихъ Гражданъ давало обѣдъ храбрымъ солдатамъ этого баталіона, отличившимся подл. Салтами примѣрнымъ мужествомъ.

Тифлисскіе Граждане: исправляющій должность Градскаго Головы Г. Шадиновъ, Коммерціи Совѣтникъ Абесаломовъ, Тамамшевъ, Хатисовъ, Теръ-Грекуровъ и Келхудовъ приняли на себя распоряженія празднествомъ.

Въ Покровскихъ казармахъ, 13 Ноября, въ корридорахъ накрыты были столы на 700 человѣкъ и храбрые Салтвцы, славно отпировавшіе кровавый вражій пиръ на штурмѣ Салтовъ, готовились къ дружескому пиру признательныхъ гражданъ, на которомъ предстоявшее пролитіе кахетинскаго хлѣбосольныхъ хозяевъ, было тоже не легкимъ дѣломъ.

Нижніе чины заблаговременно были размѣщены по столамъ; ихъ окружали Генералы, Штабъ и Оберъ-Офицеры и граждане, а народъ, желавшій полюбоваться молодецкой пирушкой — толпился на дворѣ. Ровно въ часъ по полудни — звуки зурны и громкіе крики ура народа, воздвѣтали прибитіе господина Главнокомандующаго. Его Сіятельство, Князь Михаилъ Семеновичъ изволилъ обойти всѣ роты, повторилъ имъ уже прежде изъявленную признательность за мужество оказанное ими подл. Салтами и съ стакакомъ въ рукѣ провозгласилъ тосты: за здравіе Государа Императора, Августѣйшей Фамиліи, въ честь Кавказскаго Корпуса и виновниковъ обѣда; клнки ура не умолкали. Пиръ былъ на славу, столы ломились подл. кушаньями: щи, говядина, пловъ, жареная баранина, фрукты и, — кахетинское лилось рѣкою.

Славный обѣдъ сцена переѣвилась — на дворѣ, солдаты братки смѣшались съ народомъ и подл. звуки азіатской музыки, дружно, разгульно отплясывали лезгинку.

Канцелярія Намѣстника Кавказскаго изъявляетъ искреннюю свою признательность Господину Редактору записокъ Императорскаго Общества сельскаго хозяйства южной Россіи, Григорію Ивановичу Соколову, за пожертвованный имъ экземпляръ помннутыхъ записокъ на текущій 1847 годъ, въ учрежденную при Канцеляріи публичную Библіотеку.

БЕСѢЛЬНИЙ АБАТЪ.

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ: БЮГРАФІЯ ЗНАМЕНИТЫХЪ ЧЕРКЕСОВЪ И ОЧЕРКИ ЧЕРКЕССКИХЪ ПРАВОВЪ И ПРЕДАНІЙ, ПОКОЙНАГО ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮГАНТА ХАНЪ-ГИРЕЯ.

(Окончаніе.)

Въ 1834 году, по Высочайшему соизволенію были присланы въ Петербургъ съ Кавказа малолѣтніе горцы для воспитанія въ Кадетскихъ Корпусахъ. Въмѣстѣ съ дѣтьми пріѣхали въ столицу и почетные старшины различныхъ племенъ, въ томъ числѣ и нашъ Абатъ. Это доставило мнѣ случай познакомиться съ этимъ замѣчательнымъ человекомъ. Впрочемъ, я былъ знакомъ съ нимъ и прежде, но не зналъ его, въ болѣе обширномъ значеніи слова.

Какія бы заботы о собственныхъ дѣлахъ ни тревожили Абата, дѣятельный и, должно прибавить, безпокойный умъ его всегда занятъ былъ политикою, конечно черкесскою, но болѣе обширною чѣмъ Черкесія, хотя къ ней одной относилась всѣ его помышленія. Я ожидалъ въ Беслѣнѣ, съ именемъ котораго мы привыкли съ дѣтства соединять тревоги и истребленія, видѣть человека раздраженнаго до крайности и готоваго

какъ разъяренный тигръ, разрушать родную берлогу, что казалось мнѣ весьма естественнымъ, судя по быствіямъ, которыя онъ потерялъ отъ Шапсугскаго народа. Каково же было мое удивленіе, когда я нашелъ въ немъ человѣка, который напротивъ того, забывая личныя свои отношенія, подавляя чувство личной мести, разсуждаетъ о благи родины! Въ его сужденіяхъ о будущей судьбѣ этой страны, т. е. Черкесіи Закубанской, мнѣ показалось самымъ замѣчательнымъ то, что онъ помышлялъ и о томъ, чтобы соединить будущее ея благополучіе съ выводами Россіи, отъ дѣйствій которой зависѣло ея спасеніе или гибель и которой въ томъ и другомъ случаѣ она будетъ стоить дорого. «Надобно же, говорилъ онъ—что бы пожертвованія, въ нашу пользу приносимыя, вознаграждались благодарными плодами: иначе они не будутъ ни прочны, ни продолжительны. . . .» Признаясь, слушая его, я не совсѣмъ вѣрилъ своимъ глазамъ—неграмотный, почти не полуидіотъ ли Бесльвій сидитъ предо мною, или то говорить человѣкъ просвѣщенный, опытный въ дѣлахъ государственныхъ!

Бесльвій, между прочимъ, разсуждалъ часто о Турціи; тутъ онъ вычислялъ ошибки ея правительства и мѣры, какія Дивану надлежало принять для пріобрѣтенія и удержанія обширной и прочной власти надъ черкесскими племенами и ихъ страну; высказывалъ недостатки и достоинства Турецкихъ сановниковъ, бывшихъ въ Анапѣ. Сильное негодованіе обнаруживалось въ его словахъ, когда онъ говорилъ о Хассанъ-Пашѣ; негодованіе, относившееся къ Константинопольскимъ Министрамъ, не отличавшимъ, по его словамъ, правду сказать, не совсѣмъ учтивымъ—человѣка мужественнаго и умнаго отъ скота и дурака. Не зная предположенной цѣли Дивана, я не позволю себѣ судить о мѣрахъ къ ея достиженію; и потому я не могу судить—основательны ли были мнѣнія Бесльвіа о Турецкихъ дѣлахъ, относившихся до Черкесіи.

Были и другіе предметы, о которыхъ разсуждалъ онъ съ большимъ жаромъ, чѣмъ о сановникахъ Анапскихъ; и, сказать по совѣсти, тутъ многое въ его сужденіяхъ было любопытно, своими соображеніями съ послѣдствіями, увлекательно своею оригинальностью. А что болѣе всего изумило меня, это примѣненія къ событіямъ, которыхъ мы уже были свидѣтелями, дѣлаемыхъ имъ какъ бы для доказательства основательности своихъ сужденій и мнѣній. (Замѣчательно, что нѣкоторыя его предсказанія, или справедливѣе, опасенія, уже сбываются предъ нашими глазами). Что же было бы, думалъ я всякой разъ, когда Бесльвій изумлялъ меня своими умными, рѣзкими сужденіями,—если бы онъ, при своихъ въ высокой степени замѣчательныхъ способностяхъ ума, рѣшительности характера и жаждѣ дѣятельности, получилъ европейское просвѣщеніе, такъ сильно развивающее способности человѣка.

Охотно исполняя убѣдительную просьбу Бесльвіа, я показывалъ ему нѣкоторыя достопримѣчательности столицы, и теперь я хорошо помню его замѣчанія при нашихъ посѣщеніяхъ нѣкоторыхъ мѣстъ. Однажды мы были въ Зимнемъ Дворцѣ, но не одни: съ нами пріѣхала туда гордая, человѣкъ двадцати, которые громко выражали свое удивленіе при видѣ бриллиантовъ и другихъ драгоценностей. Одинъ Бесльвій не удивлялся ничему. Мы вошли въ портретную залу; тутъ онъ спросилъ о причинѣ собранія портретовъ; я удовлетворилъ его любопытству. «Какъ это хорошо! сказалъ онъ громко,—конечно многихъ изъ этихъ Генераловъ нѣтъ уже въ живыхъ, а другіе устарѣли; дѣти умершихъ, когда бываютъ они здѣсь, съ удовольствіемъ смотрятъ на изображенія отцовъ, и это придастъ ихъ чувствамъ болѣе духа; а старики утѣшаются воспоминаніемъ о славныхъ дѣлахъ, которыхъ они были свидѣтелями и участниками: мы, старики, любимъ поговорить о прошломъ—будущее же намъ не лѣтъ. . .» Тутъ Бесльвій улыбнулся.—«А знаешь ли, продолжалъ онъ, не много подумавъ, наши Черкесы, ей-Богу, храбрѣе всѣхъ народовъ на свѣтѣ и безразсуднѣе; никто ихъ не посылаетъ на войну противъ ихъ воли, а сами они сѣмшатъ на встрѣчу опасности, спрашаются, умираютъ добровольно! Ранятъ ли ихъ—нѣтъ награды; убьютъ ли—ихъ, сѣмештва никто не призритъ; за все, если скажутъ «храбрый» вотъ и награда для нихъ! За это одно слово они идутъ на встрѣчу вѣрной гибели! У другихъ народовъ совсѣмъ не то: тамъ велятъ, такъ по неволѣ идутъ на войну; награды же такъ велики, что и трусъ сдѣлается на время храбрымъ; а наши *галунные князья* говорятъ еще съ важностью: «мы служимъ Россіи. . .» да они просто для себя служатъ! . . .» При словахъ: *галунные князья*, я засмѣялся: мнѣ

извѣстно, что это значило въ его устахъ. Мы подошли къ углу залы и тутъ я показалъ Бесльвію портретъ Г. Е.—«Какъ похожъ!» сказалъ онъ, смотря на изображеніе человѣка, пользующагося стою громкою извѣстностью. Здѣсь Бесльвій нашелъ поводъ разсуждать о двухъ человѣческихъ качествахъ, объ *умѣ* и *мужестве* и разсуждалъ, конечно, по-своему, но его мысли показались мнѣ любопытными по оригинальности, съ которою онъ ихъ выразилъ, и я, послѣ, вечеромъ, записалъ его слова въ своей памятной книжкѣ. Въ это время подошелъ къ намъ Генералъ N, человѣкъ превосходный не по одному титулу, въ моральномъ отношеніи часто ничего не означающему; Генералъ, который умѣлъ вѣжливымъ и умнымъ обращеніемъ внушать каждому, что въ жилищѣ Царей Русскихъ надменность не обитаетъ, ласково распрашивалъ Бесльвіа и со вниманіемъ слушалъ его отвѣты, мною переводимые, сказалъ: «старикъ, видно, бывалый».

Изъ Дворца я повезъ Бесльвіа въ Академію, гдѣ была въ это время выставка. «Какъ эта рѣка называется?» спросилъ онъ, когда мы подъѣхали къ Невѣ; я сказалъ ему названіе рѣки и, зная его страсть къ старымъ сказаніямъ, прибавилъ нѣсколько словъ о героѣ *Невскомъ*. Тутъ Бесльвій закричалъ кучеру—«послушай, послушай!» Это единственное русское слово, которое онъ произносилъ хорошо, и потому повторялъ его при всякомъ случаѣ. Я велѣлъ кучеру остановиться. Съ легкостью юности Бесльвій выскочилъ изъ коляски и пустился къ рѣкѣ! «Что ты дѣлаешь!» кричалъ я, когда онъ сталъ черпать рукою холодную воду и пить. Привыкнувъ въ Петербургѣ часто повторять: «какъ ваше здоровье, какая дурная погода!» я подумалъ только о здоровьи старика, въ дурную погоду черпающаго руками холодную воду: въ то время холодная вода еще незатѣвала въ Петербургѣ процесса съ алопатіею и не выживала премудрую гомеопатію; я никакъ не подозревалъ, чтобы мой спутникъ пилъ холодную воду не потому, что ему хочется пить, а съ благою цѣлью, залить странное свое честолюбіе! «Ни отецъ мой, какъ его ни хвалили, и ни одинъ изъ моихъ предковъ, не пилъ *Невской воды*!» Сказалъ Бесльвій весело: онъ гордился тѣмъ, что *дѣлалъ* страну, которую ни одинъ изъ его предковъ не посѣтилъ и о которой есть много «старыхъ сказаній.» Это было въ духѣ Черкесовъ лучшей эпохи ихъ отечества.

На выставкѣ, ненарушимое ничѣмъ равнодушіе постоянно отбѣняло лицо моего спутника. Это меня удивило, и я спросилъ его о причинѣ столь холоднаго его вниманія. «Я удивляюсь всему, что мы ни видимъ, потому что ничего подобнаго мнѣ не случалось нигдѣ встрѣчать, но стараюсь это скрыть отъ Русскихъ, а то они, пожалуй, подумаютъ, что мы вышли изъ пещеры и ничего не знаемъ» отвѣчалъ онъ; изъ этого видно, что Бесльвій, при обращеніи съ иностранцами, помышляетъ и о томъ, что они подумаютъ о нашемъ краѣ. Вообще, въ его словахъ обнаруживалось какое-то чувство національности. Однажды мы разговаривали о происхожденіи и настоящемъ положеніи *Шапсуговъ* и *Натухайцевъ*; тутъ кто-то сказалъ, что такая-то рѣка служитъ границею между этими племенами. «Неправда, неправда! Эта рѣка наша, Шапсугская, мы только позволили тамъ поселиться нѣсколькимъ *бѣднякамъ Натухайцамъ*!» вскричалъ Бесльвій изъ другой комнаты, гдѣ онъ лежалъ больной, страдая сильно. Но что замѣчательнѣе, это его старанія дѣлать заключенія о способностяхъ ума, характерѣ и другихъ качествахъ иностранцевъ саповниковъ, съ которыми ему случалось имѣть дѣло. Конечно, онъ болѣею частію ошибался, но повѣрялъ ли, что бѣдному полу-дикарю нѣрѣдко удавалось открывать пустоту тамъ, куда и всемогущія усилія просвѣщенія не могли бросить на одной яркой итеи; гдѣ природа не зарояла сѣмени, тамъ дѣйствія лучей солнца не оплодотворятъ почву. Какъ бы то ни было, а въ разговорѣ съ Бесльвіемъ необходимы были нѣкоторыя предосторожности, чтобы не подвергнуться ѣдкимъ замѣчаніямъ насмѣшливаго и раздражительнаго старика.

Въ Академіи я спросилъ моего спутника, какъ онъ станетъ разсказывать о чудесахъ видѣнныхъ имъ въ столицѣ? «Я уже объ этомъ думалъ нѣсколько разъ и рѣшился не говорить ничего, потому что разсказать все что мы видѣли, очень трудно, а если и разскажемъ, никто не повѣритъ; такъ лучше молчать.» Это хорошо въ отношеніи молодежи, но старики обидятся,—замѣтилъ я. «О, порядочнымъ людямъ я приготовилъ что сказать!» возразилъ онъ съ чувствомъ. Мнѣ любопытно было узнать, что онъ станетъ разсказывать людямъ, которыхъ называлъ порядочными. «Я ска-

жу имъ—отвѣчалъ Бесльвій, что въ Петербургѣ всѣ Русскіе вообще вѣжливы, но *большіе люди* (вельможи) ласковѣе другихъ; что здѣсь въ Визирямъ (Министрамъ) гораздо доступнѣе, чѣмъ у насъ (т. е. на Кавказѣ) къ какому нибудь *писцу съ темлякомъ*. . .» Я засмѣялся. «Ей-Богу, правда!» прибавилъ онъ и самъ смѣялся, вычисляя свои приключенія съ *писцами* съ темлякомъ, какъ онъ называлъ маловажныхъ, повидимому лицъ, однакоже часто, имѣющихъ вліяніе на рѣшеніе начальника. Бесльвій былъ веселаго характера, любилъ умныя шутки, забавныя анекдоты, и самъ никого не шадилъ; но его шутки были слишкомъ язвительны, даже грубы, если ихъ возбуждалъ человѣкъ котораго онъ не любилъ. Въ послѣдніе годы, въ особенности онъ ненавидѣлъ людей, которыхъ обыкновенно называлъ «галунными князьями.» Это *дворные* черкесскіе, которыхъ число впрочемъ не велико, знающіе русскій языкъ и, между Русскими, съ глупою смѣло называющіе себя *князьями*. Ни лѣтамъ, ни общему уваженію, которымъ пользовался Бесльвій, не соответствовали столь язвительныя его насмѣшки на счетъ людей, достойныхъ одного только презрѣнія. Впрочемъ, должно сказать и то, что объ ошаниной «воронѣ Крылова, которая натывавши себѣ павлиньихъ перья въ хвостъ, съ навамомъ пошла гулять съѣсно»—смѣшно было бы говорить съ важностью и достоинствомъ Римскаго Сенатора.

Изъ Академіи мы возвратились на квартиру, и какая радость ожидала моего спутника. Онъ узналъ, что Фельдмаршалъ пріѣхалъ изъ Варшавы. Благородный старикъ не могъ дожидаться утра: такъ ему хотѣлось броситься скорѣе, какъ онъ выражался, къ ногамъ своего благодѣтеля. Признаясь, такая благодарность, живая, искренная, въ моемъ землякѣ, меня радовала: у насъ, какъ и вездѣ, такъ много неблагодарныхъ. . . . На другой день, очень рано утромъ, Бесльвій былъ уже въ Шенниковской Дворцѣ, и Фельдмаршалъ такъ милостиво принялъ его, что бѣдный старикъ былъ тронутъ до глубины сердца.

Приближался день отъѣзда Бесльвіа и его спутниковъ, и я получилъ приказаніе привезти ихъ въ Царское Село, гдѣ Высочайшая Фамилія имѣла тогда пребываніе.

На другой день по пріѣздѣ нашемъ въ Царское Село, Бесльвій и его спутники были у Г. Б. Здѣсь нашъ Бесльвій высказалъ все, что тяготило его сердце, тревожило дѣятельный умъ и, чего онъ не хотѣлъ унести на родину или, можетъ быть, въ могилу.

Съ лестнымъ для него вниманіемъ Графъ выслушалъ его слова, которыя я переводилъ по возможности буквально. Тоскующее сердце Бесльвіа совершенно успокоилось, когда Графъ сказалъ ему, что, по всѣмъ вѣроятностямъ, не будетъ отказано въ его просьбѣ, столь важной для блага его родины. . . . Графъ повелъ Бесльвіа и его спутниковъ во Дворецъ, гдѣ они имѣли счастье предстать Государю Императору и видѣть Августѣйшее сѣмейство. Его Величество изволилъ говорить съ нашимъ Бесльвіемъ, и, Боже мой, какъ былъ счастливъ онъ, этотъ умный и благонамѣренный старикъ: искры увѣренности въ исполненіи далекихъ надеждъ заглялись въ пламенную его душу. . . . Вечеромъ, мы возвратились въ Петербургъ, но утро это—я никогда не забуду! . . . Не знаю, допуститъ ли меня Провидѣніе когда нибудь высказать чувства и мысли, которыя ношу съ тѣхъ поръ въ душѣ моей?—Если нѣтъ, крайней мѣрѣ это желаніе пребудетъ во мнѣ во всю мою жизнь. Впрочемъ, человѣкъ, для котораго величайшее благодѣніе на землѣ независимость отъ воли своихъ недоброжелателей, который литературу избралъ цѣлью остальной жизни своей, можетъ, и въ состояніи говорить свободно, тѣмъ болѣе, когда у него нѣтъ ни чувствъ, ни мыслей, за которыя не могъ бы гордиться, и его слова ни одинъ честный человѣкъ не почтетъ ни лестью, ни внушеніемъ несправедливости. . . . Но не о томъ рѣчь.

Насталъ день отъѣзда Бесльвіа изъ Петербурга на Кавказъ, и я проводилъ его до Средней Рогатки. Здѣсь я простился съ нимъ и, навсегда, какъ оказалось въ послѣдствіи.

Однажды, послѣ обѣда, мы играли въ шахматы. Это было въ Петербургѣ, весною 1837 года. Входитъ одинъ изъ нашихъ. «Получены, говоритъ, съ Кавказа письма, и пишутъ между прочимъ, что Бесльвій Абатъ умеръ. . .» При этой вѣсти, сильно меня огорчившей, я бросилъ игру и задумался. . .

Что за жалкое созданіе человѣкъ, Боже мой!—Онъ сдвигаетъ въ умѣ своемъ громады событій и падаетъ видѣть минуту ихъ совершенія—ничто же?—смерть слѣдитъ по его пятамъ и вотъ,—его

не стало! Сегодня онъ уже безчувственна глыба земли, а вчера въ немъ кипѣли надежды, волновались желанія и въ одно мгновение, созданіе всесильное на землѣ, исчезло какъ тѣнь!—«Умеръ» это таксе простое, обыкновенное слово, что даже не поражаетъ насъ торжественностію минуты, въ которой совершается таинственный процессъ, но больно его слышать, когда оно напоминаетъ намъ, что пестало человека, въ головѣ котораго рождались и развивались свѣтлыя мысли и могущественныя идеи!... Что могло быть существеннѣе смерти старика, измученнаго страданіями духа и тѣла, растерзаннаго враждебными гоненіями, но я не могъ скоро свыкнуться съ вѣстью о смерти нашего Бесльня: эта вѣсть казалась мнѣ какимъ то зловѣщимъ, тревожнымъ явленіемъ во свѣтъ—и мнѣ не хотѣлось ей вѣрить!... Привыкшій, однакожъ, объяснять свои предчувствія видимыми причинами, я сталъ и тутъ размышлять и самые простые факты открыли мнѣ глаза. Подобные Бесльню люди, умные, *безстрашные въ дѣлахъ самоотверженія*, благонамѣренные, *склонные къ порядку*, чрезвычайно важны и, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, необходимы для блага нашей страны, а между тѣмъ, такихъ людей тамъ уже нѣтъ!... Ясно, что мое недоумѣніе было не сонъ, а дѣло *существенное*; но я сожалѣю, право, что русскія книги разбѣли туманъ суевѣрія, пѣкогда меня окружавшаго: мнѣ легче было бы вѣрить даже въ... чистоту людей, для которыхъ первѣйшая дѣль въ службѣ—*личныя собственныя выгоды*, людей отвратительно хитрыхъ, но успѣвающихъ во всемъ и вездѣ, даже и въ волшебной странѣ, о которой упоминаетъ Фирдуси въ знаменитой книгѣ Царей!...

VIII.

Бесльній былъ роста небольшого, но хорошо сложенъ; его фізіономія вообще выражала умъ и хитрость: глаза у него отличались живостію и быстротою; онъ говорилъ чрезвычайно свободно, безъ всякаго приготовленія, о самыхъ многосложныхъ предметахъ; трудно найти человека, который менѣе его удѣлялъ бы времени сну. Ему было за шестьдесятъ лѣтъ, когда онъ умеръ, но до послѣдней минуты сохранилъ бодрость духа и тѣла: а сколько перенесъ онъ трудовъ физическихъ и нравственныхъ! Не смотря на значительность степени, которую занималъ въ своемъ кругу, онъ не былъ гордъ. Молчаливую важность, которую при извѣстныхъ случаяхъ обыкновенно сохраняютъ ровестники Бесльня, онъ презиралъ, не имѣя нужды въ маскѣ для прикрытія своихъ умственныхъ недостатковъ. Жестокость его доходила до звѣрскаго свирѣпости, если какая нибудь личность подстрекала мстительный его нравъ; но по видамъ корысти онъ не дѣлалъ преступленія. Щедрость, гостепримство, учтивость, постоянная любовь къ славѣ, какъ понимаютъ Черкесы этотъ всеобщій кумиръ человечества,—прославили имя Бесльня во всѣхъ черкесскихъ племенахъ, гдѣ ни одинъ *дворянинъ* не пользовался, въ его время, столь повсемѣстною извѣстностію, какъ онъ. При всемъ умѣ своемъ, гибкости характера, этого замѣчательнаго человека не было уживчивъ и былъ чрезвычайно беззаконнаго права; малѣйшіе случаи приводили его въ раздраженіе, а кто думалъ противурѣчить его намѣреніямъ, тотъ дѣлался предметомъ его ненависти: даже въ самыхъ маловажныхъ случаяхъ онъ до того не терпѣлъ противурѣчія, что его обхожденіе въ собственномъ своемъ семействѣ становилось нестерпимымъ; впрочемъ, онъ легко сознавался въ своей винѣ, и такъ былъ ловокъ и увлекателенъ, что всѣ безъ ронопа сносили его капризы, странности и безпокойныя привычки, которыя оставили множество интересныхъ анекдотовъ.

Однажды онъ былъ рагиванъ на своихъ людей и началъ ихъ наказывать тѣмъ, что созвалъ мужицъ и заковалъ всѣхъ въ кандалы, а женщинъ всѣхъ согналъ въ одинъ домъ и заперъ, чтобы продержатъ ихъ тамъ сутокъ двое безъ пищи; при этомъ никто неизбѣжалъ его палки; угрозы и брань сыпались изъ его усть. Въ то время у него были гости, которые, обидясь подобнымъ поступкомъ въ ихъ присутствіи, стали требовать чтобы онъ прекратилъ свои проделки. Это увеличило его гонимъ—онъ побилъ жену и дѣтей своихъ. Гости хотѣли ухватъ, негодуя на раздраженнаго Бесльня, но тутъ явился почтенный Жанинскій дворянинъ *Матанчерій*, котораго Бесльній очень любилъ и уважалъ, и копчилъ все миролюбиво: онъ взялъ огромную дубину и предлагая ее Бесльню, сказалъ: «ты бьешь крестьянъ, какъ будто учениковъ, маленькою хворостинкою—этимъ ихъ не нанугаешь; но вотъ, этою дубиной поколотн-ка ихъ хорошенько, тогда увидишь, какъ они стануть проворно и охотно дѣлать все, что ни прикажешь!...» Бесльній сер-

дито взглянулъ на почтеннаго Жанинца и сказалъ: «Ты съ ума сошелъ!... Хочешь, что бы я убилъ своихъ людей, вмѣсто того чтобы меня удержатъ...» «Вотъ еще, я стану удерживать! Ты хоть зарѣжь ихъ—мнѣ какая нужда: не я ихъ покупалъ...» Бесльній разсердился еще пуще, но въ пользу своихъ крестьянъ: «Ты тоже съ ума сошелъ!» сказалъ онъ, съ досадою, своему другу, и пошелъ самъ снимать кандалы съ закованыхъ людей; распустилъ и женщинъ. Тутъ всѣ стали смѣяться надъ нимъ; онъ еще былъ нѣсколько минутъ угрюмъ, а потомъ смѣялся и самъ надъ своимъ поступкомъ.

Въ другой разъ, онъ разсердился на своего сына и сталъ его бить небольшою палочкою, которую обыкновенно держалъ въ рукахъ. Выведенный изъ терпѣнія, покорный сынъ схватилъ старика и бережно посадилъ его на подушки, на которыя обыкновенно онъ его саживалъ, и опять сталъ съ прежнею почтительностію на свое мѣсто, безмолвно ожидая новой бури. «Вотъ сильный пестъ!...» сказалъ Бесльній съ улыбкою, и съ тѣхъ доръ ласковѣе обходился съ нимъ.

Другой, подобный же случай напоминаетъ намъ древняго героя, который сталъ вѣзять руки своимъ сыновьямъ, и когда одинъ изъ нихъ выхватилъ кинжалъ, чтобы заколотъ отца, который хотѣлъ лишить его свободы,—онъ вскричалъ съ дикою радостію: «вотъ кто отомститъ за меня!...» За какое-то мимое нерадѣніе, Бесльній однажды билъ свою жену; младшій его сынъ, бывшій свидѣтелемъ жестокости отца, схватился за ружье: «я застрѣлю его и тѣмъ успокою его и всѣхъ къ нему близкихъ!...» вскричалъ молодой Абатъ, взводя курокъ. Его удержали. Бесльній грозно поднялъ палку на мятежнаго сына—и, остановившись. «Изъ него будетъ человекъ!...» сказалъ онъ съ движеніемъ, обличившимъ въ немъ дикую воинственную надежду; и съ того времени сталъ любить этого непокорнаго сына, болѣе другихъ дѣтей своихъ, и когда онъ умеръ, Бесльній обнаружилъ сильное отчаяніе.

Странно, что этому человеку, который такъ усердно старался о водвореніи порядка въ своемъ отечествѣ, очень правился непокорный духъ Шапсуговъ. Однажды, разговаривая о своихъ предположеніяхъ, Бесльній сказалъ одному народному старшинѣ, что онъ испроситъ у русскаго правительства грамоту на владѣніе прекрасною *Думскою равниною* и тамъ водворится,—«тогда-то мы разбогатѣемъ съ тобою!...» прибавилъ онъ весело. «Вотъ еще выдумалъ!... я непривыкъ жить на чужой землѣ—выпрошу я самъ грамоту! Развѣ я не равенъ тебѣ?» отвѣчалъ старшина сердито. Бесльній посмѣялся надъ самолюбіемъ старшины, но ему правилось такого рода самолюбіе, и говоря о непокорномъ духѣ своихъ земляковъ, съ какою-то гордостію прибавлялъ: «Наша Шапсуги—мужественный народъ!...»

Но вотъ самый характеристическій анекдотъ, который, вымышленный ли онъ, или истинный—доказываетъ, отчего поступки Бесльня не скоро забудутся въ народѣ.

Разсказываютъ, что Бесльній имѣлъ любопытное свиданіе съ Дюкомъ де Ришелье, бывшимъ Начальникомъ Новороссійскаго края. Это было предъ вступленіемъ въ Шапсугскіе предѣлы русскіхъ войскъ подъ личнымъ начальствомъ благодѣтеля Одессы. Ришелье съ горячностью сказалъ Шапсугскимъ старшинамъ, что онъ, если они не покорятся, не оставитъ камня на камнѣ, словомъ, не пощадитъ угрозъ. Бесльній, бывшій между депутатами Шапсугскими, молчалъ, когда военачальникъ говорилъ; потомъ отвѣчалъ, указывая на отдаленныя горы, которыхъ свѣжныя вершины терялись въ осеннихъ тучахъ: «Вотъ наши крѣпости!... мы не богаты, у насъ каждый имѣетъ ружье, но не всѣ по одной женѣ и коровѣ; женъ и коровъ мы отослѣмъ въ горы, а съ ружьями засядемъ въ дѣсу; идите—у насъ вамъ взять нечего!...» Говорятъ, Ришелье такъ понравился смѣлый отвѣтъ Бесльня, что областавъ его, слѣлалъ ему и приличный подарокъ. Можетъ быть, ничего этого не было: Ришелье человекъ государственный, облеченный высокими санами, имѣлъ безъ всякаго сомнѣнія палъ собою столько власти, чтобы не показаться горцамъ, имъ же самымъ вызваннымъ, до такой степени всильнымъ. Къ тому же, устраивая депутатовъ, нельзя было прозвѣстать *выгоднаго* впечатлѣнія на народъ, что конечно зналъ онъ, какъ просвѣщенный и умный начальникъ, изучающій заблаговременно предметъ своего предпріятія. Какъ-бы то ни было, а Бесльній въ состояніи былъ давать такіе отвѣты всякому, кто-бы вздумалъ силою угрозъ изторгнуть у него согласіе на то дѣло, на которое не соглашался онъ по разуму. По крайней мѣрѣ, я не зналъ человека болѣе смѣлаго, неуступчиваго въ подобныхъ случаяхъ, и зѣль приведу одно, хотя не совсемъ ясное тому доказательство.

Видѣть общественнаго дѣла и не разсуждать, если ужъ не въ его власти было въ нихъ вмѣшиваться, для Бесльня было дѣломъ невозможнымъ; а извѣстно, что тотъ, кто разсуждаетъ, часто ошибается и самъ, но находитъ ошибки въ дѣйствіяхъ другихъ,—не одобряетъ ихъ, и не всегда соглашается съ мнѣніями другихъ. И съ Бесльніемъ было тоже самое, и этого онъ и скрывать не хотѣлъ. Ему никогда не были извѣстны обстоятельства, по видимому *второстепенныя*, но одиѣ лишь самыя важныя: по необходимости, на нихъ должно было расчитывать исполненіе всѣхъ предположеній. Впрочемъ, чтобы быть точнымъ и справедливымъ къ памяти этого замѣчательнаго человека, мы должны сказать, что онъ очень хорошо понималъ эти обстоятельства, но только относительно своихъ соотечественниковъ и не умѣлъ примѣнять ихъ къ людямъ другихъ націй. Я совѣтовалъ ему оставить безъ вниманія нѣкоторыя дѣла; это было въ Царскомъ Селѣ. Онъ горячился, не хотѣлъ слушать. «Чего бояться!—вскричалъ онъ—скажи все,—я отвѣчаю за свои слова; я не изъ тѣхъ людей, которые, боясь лишиться куска хлѣба—молчатъ! Пустьъ Н отниметъ данное мнѣ содержаніе—я все-таки говорить буду правду! Я вездѣ найду пропитаніе: *живая голова не остается безъ шапки; моя борода постыдѣла не между бабами и не передъ очами*; я жилъ между людьми и меня знаютъ; и теперь живы мои ровестники, и я долженъ возвратиться отсюда, зная что сказать имъ, если спросятъ!...» Вотъ его слова, сказанныя съ запальчивостію,—и не одинъ я слышалъ ихъ. Бесльня уже нѣтъ въ живыхъ, но да будетъ мнѣ позволено въ эту минуту, когда воспоминаніе объ немъ оживаетъ въ моей памяти, сказать, что утѣшительныя надежды, внушенныя ему внимательностію, съ которою Графъ выслушалъ его въ Царскомъ Селѣ, такъ сильно, такъ благородно высказанныя имъ чувства,—были единственнымъ сіяніемъ, озарившимъ печальные дни послѣднихъ двухъ, трехъ годовъ жизни умнаго, замѣчательнаго старца; эти надежды поддерживали еще утомленный, угасающій его духъ. Повинуясь совѣсти и предположенію себя дѣла, я осмѣливаюсь сказать зѣль то, что каждый изъ насъ чувствуетъ и говоритъ въ кругу своемъ, именно: что не одинъ Бесльній изъ уроженцевъ кавказскихъ находилъ утѣшеніе въ отеческомъ вниманіи Графа; не одинъ онъ съ успокоенною надеждою душою возвращался изъ Петербурга на родину свою, обязанный всѣмъ его добротѣ и снисходительностію; осмѣливаюсь прибавить еще, что искренняя, общая ихъ благодарность къ нему перейдетъ къ потомству, ибо они ужъ не тѣ, что были лѣтъ за десять за пятнадцать тому, когда и благодарность и ненависть ихъ къ людямъ, имѣвшимъ влияние на судьбу ихъ родины, умирали никѣмъ не слышимые, какъ эхо въ пустынномъ ущельѣ; теперь, благодаря щедрости власти, они чувствуютъ и мыслятъ иначе, чѣмъ ихъ отцы, и, главное, въ состояніи сохранить посредствомъ книгопечатанія, позднему поколѣнію, священныя для нихъ имена благодѣтелей дикой еще по прекрасной ихъ родинѣ, и ненавистныя имена... если-бы только они знали такія имена,—сохранилъ ихъ, если не съ такою энергіею, какъ это могъ бы слѣлать нашъ Бесльній, то съ болѣею любовью къ истинѣ, что уже само по себѣ составляетъ достоинство.

Бесльній обладалъ характеромъ чрезвычайно гибкимъ и въ состояніи былъ давать самые благородные совѣты, а между тѣмъ, по удивительному смѣшенію его качествъ нравственныхъ, онъ часто не могъ внимать убѣжденію очевидно благородному, когда дѣло шло о *личныхъ* его выгодахъ; результатомъ столь рѣзкаго противурѣчія характера было то, что нашъ Бесльній былъ человекомъ въ высшей степени способный на величайшія личныя пожертвованія для достиженія предположенной себя дѣла, или того, что онъ почиталъ своею обязанностію. Послѣ этого, можно-ли думать, что въ дѣйствіяхъ природы, всегда намъ тайныхъ, нѣтъ добра тамъ, гдѣ зло намъ кажется такъ очевиднымъ.

IX.

Характерическія черты жизни замѣчательныхъ людей, во всякомъ народѣ любопытны въ высшей степени, но въ такомъ народѣ, каковъ черкесскій, мало извѣстный, почти полу-дикій, внимательный, отличающійся сильными способностями ума—онъ имѣютъ двойной интересъ: выражалъ собою духъ, нравы, образъ мыслей—словомъ, нравственную жизнь цѣлаго народа и общественный его бытъ,—онъ заслуживаютъ наблюденія просвѣщеннаго человека; между тѣмъ, ихъ описанія весьма любопытны и какъ простое чтеніе. По крайней мѣрѣ, такъ казалось мнѣ, когда я охотно собиралъ свѣдѣнія о жизни замѣчательныхъ людей земли мѣрѣ

